

УДК (091)130.2

ЭТИКА, ЭСТЕТИКА И ЭГОИЗМ

**КОРОСТЕЛЕВА
ЛИЛИЯ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
Lila31@yandex.ru*

Ключевые слова:

эгоизм
этика
эстетика
Благо
Красота
Платон
Кант
Мёрдок

Аннотация:

Основной вопрос, на который автор пытается ответить в статье, состоит в переплетении столь высоких и значимых для философии понятий, как этика, эстетика, Благо и Красота. Между тем интерес исследователя сосредоточен не на самих этих понятиях, а на возможности понимания стратегий их взаимообусловленности в контексте феномена эгоистического. С опорой на тексты Платона, Аристотеля, Канта, Мёрдок и других в статье осуществляется попытка размышления на данную тему.

© 2024 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 ноября 2024 года

Опубликована: 27 декабря 2024 года

«Искусство полностью противоположно эгоистической одержимости»
(А. Мёрдок)

Вопрос о связи между этическим, эстетическим и эгоистическим можно рассмотреть сквозь призму практик субъекта, исходя из многочисленных сфер его притязаний. Подобная аналитика возникла уже в античной философии у Платона и Аристотеля и нашла свое продолжение в практической философии и антропологии Канта. В основе доминирующей в европейской культуре стратегии понимания отношений между этическим, эстетическим и эгоистическим преобладает представление о том, что этическое измерение призвано приглушать эгоистические практики субъекта (Платон-Кант). Современная философия (Мёрдок, Бадью и др.) поднимает тему морального аспекта искусства, что отчасти перекликается с философией Аристотеля. Таким образом, вопрос о связи между этическим, эстетическим и эгоистическим оказывается весьма запутанным и неоднозначным.

В античной культуре этическое и эстетическое связаны опосредованно, с большим перевесом в сторону этического. Этическое признавалось высшей ценностью, тогда как эстетическому отводилась роль удовлетворения потребности в удовольствии. В диалоге «Государство» Платон рекомендует юношеству не слушать мифологические пассажи Эсхила, Геродота и Гомера, в которых боги или их поступки выглядят неприглядно. Многое из того, о чем пишут поэты, говорит Платон, следует называть словесной ложью. Он приводит в качестве примера описанное Гомером ложное сновидение, которое Зевс послал Агамемнону или описания Аида: «Кто считает Аид существующим и притом ужасным, разве будет тот чужд страха смерти...?» [8: 179. 386 b]. Платон опасается вымысла, который воспроизводит соответствующее душевное состояние и последующее его отображение, вместо того, чтобы демонстрировать неизменный образ добродетели. По словам Рёскина, в «Государстве» Платона «выяснена сущность отношения искусства к морали» [9: 73]. Целью искусства является образ благородного человеческого существа, и здесь не место грезам. Такой образ можно составить лишь через раскрытие доступной нам истины о видимых предметах и нравственных чувствах: «Искусство, которое претворяет плоды воображения в реальные образы, только зловредно» [9: 85]. Обман фантазии,

как заметит впоследствии Кант, это вообще любая кажимость, принимаемая за явь, чувственные расслабленные грезы, сон разума.

Несколько иначе миссию эстетического видит Аристотель. Впервые именно у него возникает мысль об автономном значении искусства, содержательной стороной которого выступает категория Красоты. «Аристотель был первым, – замечает Лосев, – кто попытался отделить теорию эстетики от теории морали. Он последовательно утверждает, что цель поэзии есть утонченное удовольствие <...> если поэту не удастся вызвать должного наслаждения, значит, ему не удастся осуществить специфическую функцию искусства. Он может быть хорош как учитель, но как поэт или художник он плох» [6]. Эстетическое удовольствие в связи с его универсализмом, как напишет впоследствии Бучер, впервые только и делает возможным соединение и преобразование страха и сострадания. Экзистенциальный страх, в отличие от страха обыденной реальности, основан на воображаемой общности с жизнью другого. «Это возвращает нас, – продолжает Бучер, – к аристотелевской теории поэзии как изображения всеобщего» [11], а точкой схождения этического и эстетического закономерно выступает Красота. Прекрасное как концепт опознается по единственному критерию: оно и внешне, и внутренне красиво и способно нравиться: «Прекрасное – то, что будучи желательно само ради себя, заслуживает еще похвалы, или что будучи благом, приятно потому, что оно благо» [1: 21]. Прекрасное способно осуществиться только в разумной душе, направленной к добродетели.

Платон говорит, что одно из воздействий драмы в том, что благодаря ей человек становится множественным, а не одним; он теряет в пантомимическом инстинкте собственную личность и перестает быть самим собою. Аристотель мог бы на это ответить: да, он выходит из себя, но лишь благодаря возросшей способности к состраданию. Он забывает о своих мелких переживаниях, поднимается над узкой сферой индивидуальности, становится одним целым с судьбой человечества.

В XVIII столетии Кант завершит теорию этического и эстетического, воспроизведя в самом общем виде платоновское учение о Благе. В своей эстетической теории он взыскует к красоте души, к достоинству человека в мире морального действия и поступка как к самому прекрасному произведению. Удовольствие (от абсолютно доброго) находится для Канта в некоем соприкосновении с силами могущества, при этом «могущество может эстетически проявиться только в жертвах (что есть лишение, хотя и ради внутренней свободы, но вместе с тем открывает в нас бездонную глубину этой сверхчувственной способности с ее уходящими в непредвиденные последствиями)» [4]. Моральное могущество связано с лишением и жертвой ради внутренней свободы: «человеческая природа достигает соответствия этому добру не сама по себе, а лишь посредством насилия, которое разум совершает над чувственностью» [4]. Таким образом, точкой схода этического и эстетического у Канта является жертвенность как способность осуществлять разумом насилие над чувствами. Вспоминаются строки современного автора, словно подытоживающие интуиции Канта. Приведем цитату полностью: «Вот вечный источник искусства: образ, представший человеку, хочет стать через него произведением. Этот образ – не порождение души его, но то, что явилось пред ним, подступило к нему и взыскует его созидательной силы. Здесь все зависит от сущностного деяния человека: если он осуществит его, если изречет всем своим существом основное слово явившемуся образу, то изольется поток созидательной силы, возникнет произведение. Это деяние включает в себе жертву и риск. Жертва: бесконечная возможность, принесенная на алтарь образа. <...> риск: основное слово может быть изречено только всем существом; кто всецело предается этому, тот не смеет ничего утаить от себя: произведение – в отличие от дерева и человека – не допустит, чтобы я искал отдохновения в мире. Оно, произведение, господствует: если я не служу ему так, как должно, оно уничтожится или уничтожит меня» [3]. Жертва – это условие возникновения произведения. Оно становится плотью самого художника и не допускает для него даже возможности отдохновения, не то что эгоизма. Произведение (истина) господствует. В этом отношении безусловной для творчества становится тема насилия над расслабленностью и сном. Насилие, которое разум совершает над чувственностью, имеет и еще один важный смысл: через такого рода усилие человек придает ценность своему существованию. Человек «лишь тем, что он делает безотносительно к наслаждению в полной свободе <...> придает абсолютную ценность своему существованию как существованию личности» [2: 10]. Проявления мужества в искусстве и жизни всегда связаны с «энергичным аффектом». На данные специфические особенности философии Канта обращает внимание Айрис Мёрдок.

В работе «Суверенность блага» Мёрдок полагает, что идеи Платона и Канта значимы с точки зрения практик субъекта в опыте преодоления эгоизма: «Следуя подсказке Платона, я начну, пожалуй, с наиболее очевидного для нас повода для отказа от эгоизма, с того, что обычно называется красотой <...> красота – это единственная духовная вещь, которую мы любим инстинктивно. Переходя от

красоты в природе к красоте в искусстве, мы оказываемся уже в более сложной области» [7], – уточняет Мёрдок, полностью воспроизводя интуиции Канта относительно того, что красота в природе значимее красоты в искусстве. Встреча с красотой природы интуитивно приводит к мысли о гармоничности мира, красоте сотворенного. Любование небом, ландшафтами, цветами, птицами и вообще всем, во что входит сам человек как часть природы, позволяет понять сакральную истину о том, что «тайна не в том, каков мир, а в том, что он есть» [7]. Взгляд на мир с указанного ракурса способен приоткрыть дверь в онтологическое измерение, в котором истина существует одновременно с красотой и добром. Все эти состояния кажутся избыточными, бессмысленными для практической жизни, однако именно эти их качества и составляют смысл искусства. «Бесцельность искусства это не бесцельность игры, а бесцельность самой человеческой жизни; форма в искусстве имитирует, строго говоря, самодостаточную бессмысленность универсума» [7]. Кажущаяся бессмысленность универсума и самой человеческой жизни придает добродетели исключительную ценность. Хороший художник способен к состраданию. Именно эти качества воспитывает в человеке подлинное искусство. Оно высвечивает постоянное на фоне быстротечности и неминуемости смерти. Роль трагедии и комедии, равно как и живописи, – показать нам страдание без трепета, а смерть – без утешения. Если же в этом и можно найти какое-то утешение, то это суровое утешение красотой, которая учит, что в жизни нет ничего ценного, кроме стремления быть добродетельным, – резюмирует Мёрдок.

В замечательном эссе Ц. Тодорова «Искусство и мораль» также ставится вопрос о связи между эстетическим и этическим. Тодоров упоминает имя Мёрдок, которая, по его замечанию, выступает против образа авторского «Я» в произведении. В подлинном искусстве это «Я», биографический топос, уходит на задний план и открывает дорогу сущностям, смыслу: «для того, чтобы создать произведение искусства, нужно принять мир: сначала согласиться, что он есть и что он – не я; затем проявить к нему внимание и уважение. И наконец, испытать к нему любовь, причем любовь, свободную от эгоистического желания обладать» [10: 119]. Тем самым художник и совершает этический акт – в виде бескорыстной любви к миру и Другим. «Такой подход не исключает открытий художника о себе самом, но требует, чтобы его личность подвергалась изучению и рассмотрению именно как фрагмент мира. Неразрывно связаны оказываются не только красота и добро; в тот же процесс равным образом включается поиск истины» [10: 120]. Моральный аспект искусства переходит, таким образом, в экзистенциальное измерение, в котором подлинное существование немислимо вне смыслов, а смыслы немислимы без акта любви и доброго отношения к миру и Другим.

Обратившись к некоторым пассажам из текстов Платона, Аристотеля, Канта и ряда современных авторов, мы выявили как минимум две стратегии в понимании связи между этическим, эстетическим и эгоистическим в призме практик субъекта. Первая стратегия (Платон, Кант) признает этическое выше эстетического и видит единственный источник неэгоистических практик субъекта в преодолении всякого рода чувственности (удовольствий). Она исходит также из признания жертвенности как способности осуществлять разумом насилие над чувствами. Вторая стратегия, которая условно может быть обозначена как стратегия с доминированием эстетического начала, способна преобразовать человека с точки зрения его эгоистических практик посредством красоты, в чем содержится моральный аспект искусства. Попыткой соединить эти стратегии выступает современная экзистенциальная философия (Мёрдок), в которой автор пытается восстановить равновесие между подходами Платона, Аристотеля и Канта к союзу этического с эстетическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб. : Азбука-Классика – 2000, – 320 с.
2. Бадью А. Малое руководство по инэстетике. – СПб : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. – 156 с.
3. Бубер М. Я и ты // М. Бубер Два образа веры – М. : 1995 С. 16-92. : [Электронный ресурс] : <http://psylib.org.ua/books/buber01/index.htm>
4. Кант И. Критика способности суждения. Москва : Искусство, – 1994, – 367 с. : [Электронный ресурс] : <https://djvu.online/file/BjNRkTVDJnFZw>
5. Мёрдок А. Суверенность блага // 2008. См. «Логос», 2008, № 1.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 4 т. – Т. 4 М. : Искусство, 1975 : [Электронный ресурс] : <http://psylib.org.ua/books/lose004/txt07.htm>
7. Мёрдок А. Суверенность блага // 2008. М. : Логос, 2008, № 1. : [Электронный ресурс] : https://avidreaders.ru/files/6/6/avidreaders.ru__suverennost-bлага.epub?1997f

8. Платон. Государство / Платон // Платон Собр. соч. : в 4 т. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского Университета. – Т. 3. – 2006. – С. 97–457.
9. Рёскин Д. Сезам и Лилии. Лекции об искусстве. – М. : РИПОЛ классик, 2021. – 448 с.
10. Тодоров Ц. Искусство и мораль / Ц. Тодоров / Искусство или жизнь., Искусство и мораль. Москва: Текст, 2018. – С.97-136.
11. Butcher S. N. Aristotle's theory of poetry and fine art. London, Macmillan Collection. 1907. P. 474. <https://archive.org/details/cu31924027090921>

REFERENCES

1. Aristotle. Poetics. Rhetoric. St. Petersburg : ABC Classics – 2000, 320 p.
2. Badiou A. A small guide to aesthetics. – St. Petersburg : Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2014. – 156 p.
3. Buber M. Me and you // M. Buber Two images of faith – M. : 1995 pp. 16-92. : [Electronic resource] : <http://psylib.org.ua/books/buber01/index.htm>
4. Kant I. Criticism of the ability of judgment. Moscow : Iskustvo, 1994, 367 p. : [Electronic resource] : <https://djvu.online/file/BjNRkTVDJnFZw>
5. Murdoch A. Sovereignty of the good // 2008. See Logos, 2008, No. 1.
6. Losev A.F. The history of ancient aesthetics: in 4 volumes – Vol. 4 M. : Iskustvo, 1975 : [Electronic resource] : <http://psylib.org.ua/books/lose004/txt07.htm>
7. Murdoch A. Sovereignty of the good // 2008. Moscow : Logos, 2008, No. 1. : [Electronic resource] : https://avidreaders.ru/files/6/6/avidreaders.ru__suverennost-blaga.epub?1997f
8. Plato. The State / Plato // Plato Sobr. soch. : in 4 vols. – St. Petersburg : St. Petersburg University Press. - Vol. 3. - 2006. – pp. 97-457.
9. Ruskin D. Sesame and Lilies. Lectures on art. – M. : RIPOLL classic, 2021. – 448 p.
10. Todorov Ts. Art and morality / Ts. Todorov / Art or life., Art and morality. Moscow: Text, 2018. – pp.97-136.
11. Butcher S. N. Aristotle's theory of poetry and fine art. London, Macmillan Collection. 1907. P. 474. <https://archive.org/details/cu31924027090921> Link

ETHICS, AESTHETICS, AND EGOISM

KOROSTELEVA
Lilia

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and Cultural
Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, Lila31@yandex.ru*

Keywords:

egoism
ethics
aesthetics
Good
Beauty
Plato
Kant
Murdoch

Summary:

The primary question explored in this article revolves around the intricate relationship between significant philosophical concepts such as ethics, aesthetics, Good, and Beauty. However, the focus of the research is not on these concepts themselves, but rather on comprehending the strategies of their interdetermination from the perspective of the Ego phenomenon. Drawing on the works of Plato, Aristotle, Immanuel Kant, Iris Murdoch, and others, the article seeks to reflect on this important topic.